

Олег Мироненко

Русалка

Трилогия. Часть II

16+

Олег Мироненко
Русалка. Часть II

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мироненко О.

Русалка. Часть II / О. Мироненко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Продолжение "Лешего", вторая часть трилогии. Добро и зло, звёзды и чёрные дыры, Вселенная и её антипод. Война, в которой нет победителей. Мы её заложники без права на проигрыш. Иначе окажемся в топке. В топке мироздания.

Содержание

Введение	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Введение

Здравствуйте. Меня зовут Андрей, и я парапсихолог. По определению мне следовало хотя бы приблизительно знать, чем же я всё-таки занимаюсь, но проблема в том, что я не знаю и уже не надеюсь узнать. Есть явления, которые, безусловно, надлежит фиксировать, даже классифицировать по каким-либо внешним признакам, даже строить гипотезы, опираясь по большей части на своё воображение, но знать точно, что является скрытыми первопричинами этих явлений и что из чего проистекает – нам не дано. И слава Богу, что я агностик, иначе давно бы сошёл с ума.

Ещё немного остановлюсь на моём отношении к религии. Я уверен, что со смертью ничего не заканчивается. Что же касается рая и ада... Мы оставляем какой-то след в жизни, пульсирующую цепочку воспоминаний. Вот этим мы и живём там, за чертой. Если воспоминания хорошие – можете считать, что вы в раю. Если плохие... Позитивная и негативная энергия. Энергия, энергия, энергия – от бога ли, от дьявола... Ну, и хватит об этом. Обратимся к фактам.

Часть 1

Глава 1

Вам, наверное, интересно знать, как становятся парапсихологами? Ну, сначала переживаешь клиническую смерть, затем начинаешь бояться луны, далее – себя, а потом, собственно, и становишься парапсихологом. По крайней мере, в моём случае всё произошло именно в такой последовательности (в цепь событий, однако, обязательно нужно добавить наличие двоюродного дядьки, психотерапевта и консультанта по широкому спектру психических аномалий, оказавшего в своё время немало услуг одному из спецотделов КГБ). С жизнью я чуть было не расстался довольно глупым образом, когда в ходе затянувшегося пикника ночью полез с перепоя купаться, разругавшись насмерть с моей тогдашней любовью. Пьяная злость завела меня далеко вглубь обширного водоёма, а потом бросила одного. Какое-то время я продолжал орать и барахтаться, потом мне это надоело, и я пошёл ко дну. Однако лодка со спасателями была уже рядом, меня успели-таки словить за волосы и вытащить на поверхность, тогдашняя любовь сделал мне искусственное дыхание, я проблевался и остался жить. Любопытно, что в ходе всей этой суматохи уже на берегу не досчитались одного из спасателей, и лежало бы на мне клеймо убийцы на всю оставшуюся жизнь, но он вскоре кое-как приплыл. Всё, что я помню после того, как начал опускаться на глубину, так это отчётливое ощущение засасывающей меня воронки, в конце которой вроде бы и был какой-то просвет. Не бог весть что, но и этого оказалось вполне достаточным для вереницы постоянных кошмаров и начавшихся было сложных отношений с полной луной, до тех пор, пока как-то раз у меня не возникло ощущение, что лунная дорожка тоже принялась меня засасывать. Тут на сцене и появился дядька. Довольно быстро он обнаружил, что я каким-то неведомым образом могу свободно изъясняться и писать на нескольких неподдающихся расшифровке древнеассирийских наречиях, и моя судьба была решена. Дядька сделал себе имя в широко открытых кругах, о чем давно мечтал, а я в благодарность за это получил работёнку, которую только и может желать сумасшедший. Я сам стал заниматься сумасшедшими.

Вскоре я познакомился с Кириллом. Он был старше меня и опытнее в подобного рода времяпрепровождении, но старался этого не показывать и если и начинал поучать, то действительно в случае необходимости. Как он оказался в команде, я точно не знаю: краем уха слышал только, что его сестру заманили в секту, он пытался её спасти, не смог, чуть не погиб сам, потом его покружило-понесло, и принесло в наш наглухо закрытый при любой власти и режиме институт. Первое наше с ним дело касалось тучного гражданина, покусанного за самые разные места; гражданин утверждал, что кусает его какая-то злобная тварь из снов. Фильмы про славного Фредди Крюггера уже нашли свой устойчивый круг поклонников в видеопрокате, и я, зелёный и наивный, несмотря на все свои прежние разборки с подсознанием, отнёсся к его рассказам весьма скептически, за что и был покусан той самой тварью за разные места, а лёгкий шрам на кончике носа до сих пор служит мне напоминанием о былом скептицизме. Кирилл до того был покусан уже не раз, и после депортации твари в бог знает какие области тьмы отделался лишь незначительными царапинами.

После разбора полётов мы с ним как-то сблизились, главным образом для того, чтобы отчаянно зарабатывать друг с другом на самые разные темы. Стоило одному высказать свою точку зрения, как другой тут же вставал к ней глухую оппозицию, изошённо ища слабые места в доводах приятеля. Так, после брошенной мимоходом Кириллом фразы, что гомосексуализм – это сугубо противоестественное явление, я тут же кидался в атаку:

– Да в чём они виноваты-то? Такими уж родились.

– Ничего подобного! Это раньше они такими рождались, а теперь уже есть целая гомосексуальная культура, которая таких и порождает, – начинал кипятиться Кирилл.

– Ну и что тут противоестественного? Пусть живут, как хотят, – толерантно парировал я.

– Да они другим мешают жить! – не на шутку уже заводился мой оппонент. – Рушится гармония мужского и женского начала, когда мужское оттенено женским, и наоборот. Мужчины стали вести себя вести, как бабы, а про последних и говорить нечего. Белая раса вырождается, а этим скоро браки разрешат заключать, чтобы усыновлять детей и делать из них гермафродитов.

– Да вы, батенька, гомофоб...

– Я просто хочу, чтобы это всегда оставалось исключением, а не нормой.

Или вот я, в расслабленном состоянии, после пары рюмашек горькой, задумчиво ронял:

– И как это большевики гражданскую войну выиграли? В голове не укладывается...

Кирилл немедленно лез в спор:

– Что там у тебя не укладывается? Они для того к власти и пришли, чтобы Россию в крови утопить. Пока офицерёв государя императора оплакивало да мужичков взбудораженных пороло, они вешали и стреляли, стреляли и вешали... И тех и других. Семьями, деревнями... А Европа руки потирала: пусть азиаты друг дружку поизведут, чем меньше их останется – тем лучше... Сволочи цивилизованные.

– Угу, – тонко усмехался я. – И именно этой сволочью ты, как настоящий русский со времён Петра I, и хотел бы стать. Нет?

– Да пошёл ты...

И так далее.

После гибели Олега Борисовича Кирилл занял его место, став моим боссом, и немедленно поручил мне курировать лешего, у которого отобрали фуфайку, облачили в подходящий камуфляж и сделали егерем заповедника. Куда-либо переезжать он отказался категорически. В самом заповеднике после отбытия фольклорных персонажей стали стремительно происходить природные катаклизмы: быстро затянулось озеро, рассосалось болото, исчезли дубы-колдуны – только хвойная чащоба и осталось, разрастаясь и мрачнее день ото дня. Лешего это вполне устраивало. Когда бы я ни приехал, он всё сидел на ступенях своей избушки, посасывал подавленную мной трубку и созерцал приближение хвойных лап. Разговаривать он стал мало, бражничать бросил совсем, поясняя, что теперь у него получается одна лишь отвратная сивуха, и гостям никакой радости не выказывал. Он словно бы ждал чего-то, прислушиваясь к скрипу деревьев, какого-то знака, которого всё не было и не было. Мы провели с ним немало мудрёных тестов в надежде запротоколировать его сказочную сущность, но всё без толку. Сказочного в нём не осталось ни на грош. А всё, что осталось, никого удивить не могло.

Весной он вдруг заболел и умер. А летом в Чёрном море поймали русалку.

Глава 2

... Когда мы с Кириллом вошли, Аделаида Ивановна плескалась в нешуточных размеров ванной, напичканной всяким мудреным оборудованием, и немного понаблюдали за тем, как она беззаботно щёлкает кнопками и рычажками и немало радуется, если эффект от этого совпадает с её ожиданиями. Увидев нас, она тут же заулыбалась и кокетливо стала прикрывать грудь пеной, что у неё, впрочем, плохо получалось. Признаться, я почти и не запомнил русалку тогда, после памятного боя в заповеднике, среди изобилия других диковинных персонажей, и сейчас словно бы видел её впервые, чувствуя, как сладко-тревожно начинает заходиться в груди от незащитности прозрачных серо-зелёных глаз и мощных сексуальных импульсов оголённого тела. Грудь у Аделаиды Ивановны была идеальной, такой, какая нравится всем мужикам (чтобы они там не пытались бубнить вслух о своих любимых размерах), за исключением, естественно, исключений среди самих мужчин. Распалённое воображение пыталось дорисовать подходящую этим формам безудержной женственности картину и других частей тела, но тут же сконфуженно отступало перед реальностью, ибо все сладкие изгибы ниже чуть полной талии скрывала осклизлая на взгляд (и, безусловно, на ощупь) чешуя, образуя рыбий хвост, увенчанный замысловатым плавником.

Разглядывать себя русалка позволяла спокойно.

– Ну, посмотрелись? – весело произнесла она характерным голосом искушённой соблазнительницы. – Ладно, этот молодой человек дырку на мне взглядом жжёт, ну а ты, Кирюша, что? Али забыть успел?

И весело засмеялась.

– Забудешь вас тут... – несколько смущённо буркнул Кирилл, а потом и сам засмеялся. – Здравствуйте, Аделаида Ивановна! Хорошо выглядите: признаться, ванна вам лучше к лицу, чем канцелярский стол с бадьёй.

И они принялись болтать как старые знакомые после долгой разлуки, перебивая друг друга шуточками и хохотками, пока вдруг в разговоре не повисла неловкая пауза после одного, как мне показалось, вполне безобидного вопроса Кирилла.

– Ну, ладно... – выдохнул шеф. – А теперь расскажите-ка нам лучше, любезная, как это вас угораздило такой переполох в Чёрном море устроить? Не скоро ведь ещё люди там успокоятся.

Что было – то было. Аделаида Ивановна материализовалась днём недалеко от берега аккуратно возле группы отдыхающих на катамаранах, заставив тех быстро крутить педали и истошно вопить. За кого её первоначально приняли, выяснить толком так и не удалось, да это и не особо важно, но похоже, что всё-таки за тигровую акулу. Из объяснений одного из потерпевших следовало, что это было «нечто белое и с хвостом», а это, безусловно, относится и к описанию тигровой акулы тоже. Не ожидавшая сразу же оказаться в центре внимания русалка ушла вглубь и попыталась раствориться в морской пучине, однако сказался недостаток практики, заставлявший её частенько подниматься на поверхность и жадно глотать ртом воздух. Вскоре её уже эскортировало плотное кольцо катеров и скутеров; люди на них быстро осознали необычность происходящего, судя по долетавшим до ушей русалки возбуждённым выкрикам: «Да это же голая баба! И с хвостом, с хвостом – во даёт!» Вскоре Аделаида Ивановна устала, перевернулась на спину и принялась мирно покачиваться на поверхности, поигрывая пресловутым хвостом, надеясь на разумный контакт. Контакт состоялся уже в дельфинарии, куда её поместили после отлова сетью какие-то волосатые и очень уверенные в себе дядьки, не преминувшие поинтересоваться: «Слушай, ты кто вообще будешь, а?» Аделаида Ивановна неприступно отвечала, что она – явление природы, и что ей нужен Кирилл. «Какой-такой ещё Кирилл? Мужик твой? С хвостом тоже?» – «Нет, – терпеливо поясняла она. – Он не мой мужик,

и он без хвоста. Он добрый и умный, хотя и несчастный. И красивый. У вас что тут, много таких Кириллов?» Разум аборигенов с такой задачей не справился, и ввиду отсутствия Кирилла Аделаиду Ивановну сделали участницей водного шоу. Делать ей при этом было ничего не надо, просто лежать в центре бассейна и помахивать хвостом, в окружении резвящихся дельфинов. Пустое говорить, что с ролью она справлялась превосходно – истерические женские выкрики с трибун: «Куда уставился, кобелина?» и «Прекратите разврат, сволочи!» – преследовали её в ходе всех аншлагов. Дельфины тоже сначала отнеслись к ней неоднозначно, устроили даже между собой склоку на своих предельных частотах, но потом, по-видимому, всё же классифицировали её как некий переходный, но дружественный подвид между ними и оставшимися отбросами мирового океана, и даже начали с ней заигрывать и устраивать сцены ревности. На что при таких раскладах надеялась Аделаида Ивановна – непонятно, если она только всерьёз не подумывала о том, чтобы стать звездой скандального шоу, но везении было на её стороне: она не заболела от несвежей воды и сомнительной пищи, не стала жертвой дельфиновых и человеческих разборок и даже сохранила какой-то стыд, пока наконец слухи о её хвосте вместе с именем «Кирилл» не достигли ушей наших аналитиков, промышлявших подобного рода ерундой. Дальнейшее уже было делом техники, хотя и не совсем простым, если принять во внимание, что уже планировалось перемещение Аделаиды Ивановны в другие места – на Ближний Восток, во владения пресыщенного всем на свете шаха или шейха, и даже получены за это деньги. По старой памяти Кирилл уже готовился лично возглавить спецназ для её освобождения, но в конце концов патристические настроения в клане теневого барыга возобладали и на Восток были отправлены уши более меркантильных товарищей вместе с отступными, а Аделаиду Ивановну с максимальным комфортом и с партией контрабандных джакузи доставили к нам.

Вот, собственно, и всё, что нам удалось выяснить, да и то большей частью от дельфинов, чем от людей.

Аделаида Ивановна принялась дополнять картину малосодержательным, но трогательным монологом:

– Ну, это уж черномор так подгадал, вражина... А я ведь тоже изрядно перепугалась, когда сетями-то на меня охотиться начали с трещоток своих дикиховинных. Дельфины опять-таки эти – ох и чудные! – но ведь хорошие, хорошие...

Тут опытный Кирилл решил взять инициативу дальнейшего разговора в свои руки.

– Аделаида Ивановна, давайте-ка по порядку, хорошо? Что у вас там опять такое приключилось, что вы вдруг в Чёрном море искупаться решили? Да ещё и при помощи черномора... Я-то ведь грешным делом думал, что вы спеси ему поубавите, когда...

Тут он замаялся при построении развёрнутого предложения, раздумал продолжать и просто вопрошающе уставился на русалку. Та покачала головой.

– Ох, Сеня ты Сеня, Кирюша ты Кирюша – да разве легко всё в слова-то облечь? Ты ведь вон какой грамотный, и то спотыкаешься... Ну да, ладно, слушай – не перебивай только.

Она опять качнула своей античной головкой в буйном кудрявом сплетенье русских волос и заговорила, как запела, настроив голос на искренние и проникновенные модуляции:

– Вернулись мы, значит, к себе домой – да не все только... Оглянулись – лешего-то и нет с нами, и что из всего этого теперь выйдет – непонятно. Совсем уж тоскливо стало, когда царевна с волком так место себе среди нас по новой и нашли: пошатались, побродили бесплотные, да и сгинули разом в закат, ни словечком не обмолвившись... Поняли мы тут, что и нам какой-то предел прописан, и не вечные мы тоже. Кашей к тому ж сподручных своих всё оплакивал, а водяной – харем свой болотный. Дядька с богатырями, ясное дело, забражничали. Машка по матери иссохлась, как её похоронила – враз копией её и сделалась. Я с ней всё ночи-то и просиживала в дубовой бочке: на ветвях сызнова перебиваться как-то не очень хотелось...

Кот непонятно с чего больше всех по лешему убивался, возвращения его всё ждал, орал благим матом у себя под дубом, да жалостливо так... погоди, вспомню сейчас... ага, вот:

Почему всё не так? Вроде – всё как всегда:

То же небо опять голубое,

Тот же лес, тот же воздух, и та же вода...

Только – он не вернулся из боя.

– Ну и ещё там, я и не упомяну всё... Сам ли написал, или подслушал где – уж не знаю, но как заорёт это всё – так и сердце заходило; богатыри головы свои лохматые руками обхватывали да плакали, как дети малые, а потом в сердцах всё за котом гонялись, будто отомстить за что хотели.

Аделаида Ивановна в этом месте позволила себе передышку, дала круг по ванной, обдав нас наэлектризованными брызгами, затем продолжила:

– И черномор наш не на шутку загоревал поначалу, всё словно бы опасался чего-то да по ночам с тучами кружил, но мало-помалу успокоился и решил в книги свои мудрёные заглянуть, которые опять неведомо как с ним оказались, чтобы, значит, разобраться, что нас всех дальше ждёт. И вот заявился он как-то раз к Машке в избушку, напылил там своей бородой, да и выложил, что кому-то из нас надо к людям обратно собираться, чтобы, значит, от общей беды спастись. Что, мол, лешего уже не вернуть и выход один только: нужна нам здесь кровь новая, то есть должны или я, или Машка от кого-то из людей понести, от того, кого выбрать сумеем, да кто нас выберет, да обратно с дитём вернуться сумеет. И будет это дитя спасением нам всем после. Ну, мы конечно, и слушать его после этого вовсе-то и не стали – вытолкали взашей, чтобы лешего нашего по-зряшному не хоронил да случки небывалой не понапридумывал, себе на потеху. Да не унимался он, и как-то позвал и меня с Машкой, и богатырей, и водяного с кашеем, и кота-стихотворца на полянку одну, куда, как все помнили, леший наш любил заходить: травку покосить, да ягод понабирать. Так вот... Снег ещё кругом лежал, а на полянке кругом трава зелёная вдруг занялась, да ягоды повысыпали – одна к одной, крупные-крупные... Вот тут мы с Машкой не дурум-то обе в голос сразу и заголосили. А когда карла обратно опосля к нам заявился, стали уж мы его всерьёз пытаться, что он там такое выведал, да кому из нас всё-таки сподручнее к вам опять отправляться. Он же отвечал: мол, так выходит, что всё равно кому – что человек тот и для Машки, и для меня – один, и для него преградой ни Машкина старость, ни рыба моя сущность будет. Ну, тут обидно, конечно, по-бабьи нам обоим-то стало, что молодцу тому всё равно, кого привечать, а черномор только руками и разводит: выходит так, мол, да и всё тут, а он уж любую из нас куда надо доставит, но одну только, на это у него сил и ума должно хватить. Да, ещё сказал, что человека того ты, Кирилл, подгадать сможешь. А когда остались мы с Машкой вдвоём, та мне и выложила, что нет у неё мочи туда возвращаться, где мать её сгубили, а я, мол, давно уж о маленьком мечтаю...

Русалка задумчиво поиграла хвостом, продолжила уже с заметной усталостью:

– Ну, на другой день и принесли меня богатыри в дом к черномору, нарисовал он вокруг меня фигуры да знаки непонятные, сам книгами своими мудрёными обложился да не меньше часа бормотал своё что-то, я уж и заснуть успела, пока он не закричал вдруг: «Вот он, излом-то нужный, готовься теперича – в море тёплом купаться будешь!» И стало тут меня наизнанку как-будто бы всю выворачивать, да затягивать куда-то; потемнело всё, закружилось – ох, до сих пор вспоминать боязно! А потом уж – вода солёная в нос да рот полилась, еле-еле отфыркаться удалось...

Аделаида Ивановна замолчала. Кирилл прочистил горло, в свою очередь покачал головой и осторожно заговорил:

– М-да, дела... Картинка, конечно, прелюбопытная получается. Ну, то, что без черномора тут не обошлось – это понятно: куда же без него-то? – Он усмехнулся, почесал затылок. –

Значит, я должен помочь вам мужа найти, с которым вы дитя по доброй воле зачать сможете. А вы вообще... как это себе представляете, а?

Русалка тут же сморщила носик и собралась заплакать.

– Ну ладно, ладно... – заторопился Кирилл. – Вот что. Аделаида Ивановна, не возражаете, если мы проверим вашу информацию? Нет-нет, вам-то мы доверяем, но вот черномору, сами понимаете, веры особой нет. Можно... как бы это сказать... Андрей на какое-то время зайдёт к вам в гости?

– Куда зайдёт? – озадачилась русалка. – В ванну эту?

– Да нет, не в ванну – в голову. Мысленно.

– В голову? – она провела ладонью по буйству волос. – Он что, тоже ворожить умеет?

На вроде черномора нашего?

– Да кое-что умеет... Так вы не против? Для нас, да и для вас, это очень важно.

– Ну, пусть заходит, – вздохнула русалка. – Вот ведь вляпалась в историю... Что хотят, то и воротят. А это не больно?

Тут наконец подал голос и я:

– Скорее всего, будут какие-то непривычные для вас ощущения. Вы только постарайтесь им не... противиться, что ли, и тогда это всё быстро пройдёт.

– Успокоил, называется... Ну, попробую не ерепениться. Раз надо.

Я обернулся к Кириллу:

– Начинаем? – и, получив кивок в ответ, нашёл взглядом прозрачность других глаз, зацепил нехотят тревожную дрожь обольстительных губ, отмахнулся от них и стал впитывать в себя очередную чужеродность.

Глава 3

... Началось всё с кошачьих зрачков. Я люблю кошек – всю эту их бесстрастную негу, вызывающую разлад в доверчивой душе. И вот как-то, подобострастно почесывая за ушами моего вальяжного любимца, я столкнулся с ним глазами и наша игра в гляделки затянулась дольше обычного. Я пришепётывал что-то на вроде «...ах ты мой пушистый наглый мурлыган...» и всё ждал, когда он хмуро отвернёт голову, а он всё не отворачивал и не отворачивал, пока вдруг глаза его тревожно не сузились и вслед недоумённо округлились... и тут же я ощутил внезапный тычок боли в теменной области, мерцающие жёлтым кошачьи зрачки стали неожиданно близко-близко, потом пропали... и я увидел своё лицо со стороны. В непривычной проекции и с незнакомыми пропорциями, одуловато-синее, явственно напряженное даже при размытости черт. Трудно, конечно, описывать человеческими словами то, что выходит за рамки человеческого, но попробую – куда деваться, раз начал. Раздвоенность моя была очевидна. С одной стороны, я осознавал, что вижу именно своё лицо, и именно со стороны, а с другой – метался в панике животного пароксизма, пытаюсь выдать из себя чужое начало. Отчётливо помню, как вздыбилась моя шерсть и заныл старый перелом, полученный ещё котёнком, когда я неудачно соскользнул с подоконника на обледенелость под окном... Потом, утробно шипя и отчаянно трясая головой, я потянулся своей лапой к своему лицу и тут же остро переключился на резкую боль в щеке, переступил через что-то оглушающее фиолетово-чёрное и, наконец, обнаружил себя родимого, съёжившегося на диване, с рукой, прижатой к расцарапанному лицу, открытым ртом и воплем в барабанных перепонках. Напился я в тот вечер страшно, топя в алкоголе всполохи своего и чужого сознания. Помню, что долго пытался отловить по квартире кота и поговорить с ним по душам, а тот отчаянно уходил от разговора, щедро оставляя следы своего несогласия на моих руках, а потом я налил ему в миску валерианы, чтобы и ему полегчало, но котяра только окончательно взбесился от этого запаха и сиганул с подоконника, невзирая на больную лапку... Ко мне он больше не вернулся. Я бы тоже так сделал... на его месте.

Человек привыкает ко всему. Даже к тому, что он уже и человек вовсе. Смирившись, я начал думать трезво. Очевидно, я мог каким-то образом проникать в чужое сознание и становиться его частью, сохраняя при этом и своё «Я». Но как это работает? И насколько это безопасно для меня и для других? Стоит ли вообще дальше экспериментировать с этим? А если «это» опять произойдёт случайно – что тогда? Вспоминать чесотку в щенячьем возрасте?

В институт я загнезвился совсем недавно, и обходились со мной соответственно. То есть только делали вид, что замечают. Времена стояли смутные, и разрабатывать мои скрытые способности особых возможностей не было. Мне срочно нужен был ход конём. И я решил: прихлоп-таки с улицы домой симпатичную потасканную дворнягу, накормил до отвала и стал заглядывать ей в глаза. Дворняга блаженно мигала, силилась лизнуть мне руку, стучала хвостом и никак не хотела упереться в меня взглядом секунд так хотя бы на пять. В конце концов я на неё прикрикнул, и она непонимающе уставилась на меня своими влажными тоскующими глазами, и я уловил эту тоску, положил ей руку на голову, погладил и забормотал «...бедная ты бедная, что за жизнь у тебя такая собачья...», и вдруг в голове уже знакомо угнездилась боль, собачьи глаза сделались близко-близко, потом пропали и... Я был в ней. Я был ею. Мне было хорошо и тревожно одновременно. Я был сыт, но ждал пинка. Меня уже выкидывали за дверь, вот так же без причины наорав и проигнорировав детский рёв. И ещё что-то чужое... тяжелое... прямо в моей голове... и этот запах... у-уу-ууу-ууууу!

Вой заполонил меня. Но на этот раз я уже не болтался в чужой голове за гранью раздвоенности, а словно бы уловил эту грань и катился по ней, как по неустойчивой волне на доске. Роль доски играло довольно чёткое ощущение своего «я», не захлестнутого на этот раз

паникой. И этому «я» уже было в чужой голове и хреново, и любопытно одновременно. Если бы не этот вой... Моя собачья голова уткнулась в мои собачьи лапы, и со стороны я себя не видел, но присутствие отчётливо ощущал. У-уу-ууу! А-аа-ааа! Довольно! Я упал, захлебнулся и пошёл на дно, жутко ударившись об него головой... Очнулся я с явными признаками кессонной болезни – головокружение, тошнота, расфокусировка зрения; собака скулила рядом, всё так же уткнув морду в лапы. Не убежала. Я погладил её по мокрой шерсти: «Бедная ты бедная... Намаялась. Ну, давай жить вместе».

Она осталась, но в глаза мне больше не смотрела и, кажется, больше боялась, чем любила. Я назвал её Кессонка.

Итак, пока мне были известны два правила этой игры: эмоциональный контакт (глаза в глаза, а может, и ещё как-нибудь) – это при входе в чужое сознание, и не слабый болевой шок – это, стало быть, при выходе. Я немного поэкспериментировал сначала с птицами, а потом и с рыбками, чтобы убедиться в том, что у моих экстраординарных способностей, конечно же, есть свои пределы, и всяких там представителей других сред обитания однозначно нужно оставить в покое. Что же касается шока... Может, он возникает от разницы, так сказать, уровней сознания? Проверять эту мысль на другом уровне – на обезьянах, например, – мне совсем не хотелось по вполне понятным причинам: обезьяна не то, что морду расцарапает, а сразу полбашки откусит. Я решил сразу приступить к опытам над человеком. И принять меры хотя бы по частичному снятию противодействия. А то лезу куда не надо без спроса, а потом за голову держусь...

Для этой цели мною был выбран Степаныч, неплохой, в принципе, человек, но слабохарактерный. Отсутствие таких качеств, как «честолюбие» и «ответственность» служило для него непреодолимым препятствиям в поисках постоянной работы и пристрастило к спиртному, что не в полной мере компенсировало некий разлад в душе, однако позволяло ему всё же сохранять достаточный интерес к жизни хотя бы в состоянии опьянения. Когда я встретил его на улице и пригласил зайти в гости, его уже начали терзать демоны пессимизма и моё предложение нашло благодарный отклик. Я неспешно было принялся угощать его водочкой, но Степаныч быстро взял инициативу в свои руки и зачастил, и когда я пытливо заглянул в его глаза, надеясь, что возможные барьеры подавлены, то никакого контакта с ним установить уже не было возможности. Как с рыбками. Испытуемый положил голову на руки и прямо за столом захрапел. Разочарованный, я принялся было убирать со стола, но тут Степаныч вдруг очнулся, поднял голову и вперил в меня пустой взгляд:

—

К-куда пошёл? А ну сядь, гад!

Трудно сказать, что ему привиделось с перепою, но он весь аж трясся от злости. Я тоже быстро завёлся: терпеть не могу хамства, а тут ещё меня у меня же дома пытались построить.

— Совсем плохо, что ли? – медленно выдавил я из себя тяжёлые слова в трясущееся лицо и мутные зрачки. И оказался внутри него. На этот раз я сразу почувствовал, что являюсь хозяином чужой головы без каких-либо особых последствий для своей: так, заняло что-то в темечке. Вытолкнуть меня бывший хозяин и не пытался. Ну, и что тут у нас?... Постылое настоящее (*есть, есть кто-то у подлюги Таньки*), мятежная юность и счастливое детство – это в прошлом... *Выпить бы, а то и будущее ни к чему*. Внезапно я осознал, что чувство раздвоенности исчезает, что... я... полностью переливаюсь в чужое сознание... *ну, гад, убью...* вот передо мной моё лицо, которое я почему-то уже ненавижу... *подожди, сволочь, подожди...* Эй! почему я не могу заставить себя пошевелить хотя бы пальцем... *тварь ползучая...* в от же мои глаза... *тварь...* или уже не мои?... *убью...* как же страшно... я хочу обратно-о-о-а-а-а!!!

Пошевелить головой я смог лишь тогда, когда лезвие кухонного ножа было в считанных сантиметрах от моего горла. Вновь послушная рука выбила нож, другая заехала по челюсти нападавшего. Нокаут. Я стоял потный от пережитого ужаса, с остатками чужой мути в моз-

гах, но без явных признаков разрывающей череп декомпрессии. Было вполне терпимо. «У-у-ффф... А ведь я сам себя чуть не убил. Или только своё почти бывшее тело?»

Когда Степаныч пришёл в себя, он долго ощупывал челюсть, тряс головой, словно пытаясь вспомнить что-то, что тут же ускользало от него, наконец робко спросил, не произошло ли чего-нибудь эдакого... ну, курьёзного. Я ответил, что он приревновал меня к Таньке и даже кинулся с ножом. Степаныч недоумённо помял лицо ладонью:

– Ну и ну... Никогда такого не было. И ведь вроде бы всё помню, а вспомнить не могу... Ты где водку-то брал?

На другой я связался с Кириллом и попросил его зайти ко мне сегодня же по очень важному делу. Он опоздал на пару дней, но всё-таки завалился ближе к полуночи, и, проведя ревизию в забитом под завязку перед отъездом родителей в длительное турне холодильнике, без особого интереса спросил:

– Ну, что там у тебя стряслось?

После моего рассказа он устало потёр глаза, вздохнул, вызывающе посмотрел мне прямо в глаза (ну, умеешь фокусы делать – и что с того?), и, даже не пытаясь скрыть раздражение, заговорил:

– Андрей, нам от телепатов и экстрасенсов в институте деваться уже некуда. Ты зачем меня к себе затащил? За ужин, конечно, спасибо, но...

«Я понимаю, Кирилл, всё понимаю... Знаю, как тебе трудно, ты же на износ работаешь, ни себя, ни других не жалеешь...» Сострадание, только сострадание: злость, как я выяснил, обойдется себе дороже.

Это называется – почувствуйте разницу. Через какое-то очень непродолжительное время я и Кирилл лежали вместе на кухонном полу, держась руками за уши и открывая рты. У Кирилла носом шла кровь; я ничего – видимо, частично приспособился. Когда к начальству вернулся дар речи, оно простонало:

– Я тебя сейчас придушу, сволочь ты эдакая... Ты что, мысли нормально прочитывать можешь, дилетант хренов? Ой, голова моя бедная...

Когда мы снова уселись за стол и принялись лечиться выставленным мною фирменным коньяком, я несколько путано заговорил:

– Кирилл, ты так ничего пока и не понял. Я не просто был у тебя в голове, я... как бы это сказать-то... ну, по возвращении снял с тебя ментальную и эмоциональную голограмму мозга, всё то, что у там тебя успело накопиться. Ты сильный, ты отчаянно сопротивлялся, поэтому нам и было так хреново, когда ты вытолкнул меня из себя. Это Степаныча я быстренько съел... может, потому ещё, что вошёл к нему на отрицательных эмоциях. Кстати, когда я был у него в голове, и, строго говоря, уже и был Степанычем... я ощутил некую точку не возврата, и моё новое тело захотело избавиться от старого. Ладно, об этом можно и потом... Прости, что заставил тебя всё это испытать на своей шкуре, но иначе ты бы мне не поверил, а мне надо, чтобы ты мне поверил. Мне очень многому надо научиться, и ты должен мне в этом помочь. Кроме тебя, Кирилл, я больше никому не верю. А тут дело такое, сам понимаешь...

Кирилл допил из бокала и щедро плеснул себе ещё. Мой бокал он проигнорировал.

– Так... Чего ты там, говоришь, снял-то? Всю мою жизненную память? Бред.

– Не веришь, спроси меня о чём-нибудь давнем, что тебя тревожит до сих пор, можешь из самого детства копнуть

– Ох и достал ты меня! – Он залпом проглотил коньяк. – Ладно. Что я сделал, когда подобрал выпавший из кармана у отца трояк?

– Ты купил сборную модель самолёта, «Ан-24». Маме соврал, что накопил на школьных обедах. Переживать по этому поводу ты стал гораздо позже, но родителям так и не признался, – отрапортовал я.

Шеф поставил бокал на стол так стремительно, что ножка отломилась.

– Ну что, веришь теперь?

– Подожди-подожди, опять в голове заломило... У-у-фф. Н-да, это не телепатия, это высший пилотаж. Стой, а когда я на спор захотел поцеловать девочку, на два года меня старше...

Мои ответы были исчерпывающими. Наконец он поднял руки:

– Всё-всё, хватит... Верю. Вот только ещё одно... И как ты теперь ко мне относишься, зная... ну, обо всех этих скелетах в шкафу?

Я был готов к этому вопросу.

– Как-как... Также, как и ты к себе. Ведь я вроде бы как тобой и был... вместо тебя. И потом, оказывается, такого рода информация стирается довольно быстро. Буквально за пару ночей.

– Гм... Во сне?

– Ну да. Остаётся только общий размытый образ.

Кирилл помолчал.

– Ну ты, конечно, уникам... И псих. Друзьями нам теперь уже не бывать, это точно, но поработать вместе можно – отчего же не поработать? Давай, поднимай бокал – ты в команде!

Как ни странно, но друзьями мы всё-таки остались.

Глава 4

Экстренное совещание начальников всех служб по поводу заслушивания моего доклада лёгкой прогулки никому не сулило. Во-первых, потому что необходимо было принять общее решение. Во-вторых, взять на себя определённые обязательства по претворению этого решения в жизнь. У каждого из присутствующих этих обязательств и так хватало, и спасение мира в ближайшие выходные никто не планировал. А если и планировал, то преимущественно в одиночку, не особо доверяя коллегам. По вполне резонным на то для себя причинам.

Своё двадцатиминутное выступление я постарался лишить какой бы то не было эмоциональности: удивить или застрашать собравшихся априори не представлялось возможным. Факты, факты и только факты – плюс осторожные прогнозы, согласованные с начальником отдела вероятного развития событий и их последующей нейтрализации Всеволодом Григорьевичем и... ещё кое с кем. И в конце запустить пробный камень – набросок плана действий. Со своим трудноперевариваемым куском ответственности для каждого. Кирилл решил подключить всех, и был прав: ситуации складывалась хреновая.

Когда я закончил, некоторое время слушатели ещё продолжали меня разглядывать, большинство – а всего их было восемь, не считая Кирилла, и среди них одна женщина – с явным неодобрением. Кому-то не нравилась моя молодость, кому-то – мои возможности, и уж наверняка все считали, что в последнее время Кирилл стал слишком выделять меня среди остальных. А народец тут собрался мнительный – что поделаешь, издержки профессии.

Первой дали выговориться даме – Светлане Аркадьевне, возглавлявшей отдел биологических исследований. Сухая, деловая, амбициозная. Пожалуй, если бы не слишком уж тонкие губы, даже красивая: большие зелёные глаза лучились энергией, чуть вздёрнутый премиленький носик прямо-таки напрашивался на поцелуй. По совместительству она была медиумом с довольно сильной экстрасенсорикой, но к оперативной работе в последнее время подключалась крайне неохотно, отговариваясь полной занятостью в подготовке и проведении фундаментальных исследований. Поговаривали, что на неё положил глаз какой-то любвеобильный да к тому же ревнивый дух, и она старается как можно реже с ним общаться, по той же причине боится и серьёзных отношений с мужчинами. Впрочем, подобные сплетни гуляли за каждым сотрудником института.

– Молодой человек, – довольно язвительно начала Светлана Аркадьевна, за глаза именуемая нашими умниками Отдушиной. – Признаться, я мало что почерпнула для себя из услышанного. Ну, существует угроза дестабилизации нашего мира – так эти угрозы возникают с незапамятных времён, на моей только памяти их было с десятков. Но вот такой общий сбор на моей памяти впервые. Не соизволите ли прямо сказать: в чем, собственно, дело?

Что ж, кажется, настало время разбавить цветами и красками сухую прозу моего выступления. Я посмотрел на Кирилла, сидящего за столом вместе с другими начальниками (он возглавлял самый мощный отдел – отдел оперативного реагирования), потом на моего непосредственного шефа – начальника службы парапсихологии и экстрасенсорики, Игоря Владимировича, в просторечии Сфинкса. Оба слегка мне кивнули: первый по необходимости, второй из чувства собственной значимости.

– Светлана Аркадьевна, – гораздо более эмоционально, и даже несколько разволновавшись, зачастил я, – анализ информации, заложенной в мозгу у объекта «Русалка», позволяет сделать однозначный вывод, что в самом скором времени реальность, которой подчинена наша вселенная, может быть полностью поглощена враждебной ею реальностью. – Я перевёл дух, впервые чётко выговорив то, что стало ясно мне после сканирования мозгов милейшей Аделаиды Ивановны, обозначенной в этой комнате сухим казённым словечком «объект».

– Вот даже как? – вскинула брови Отдушина. – Что же вы двадцать минут вокруг да около ходили? А-а, кажется понимаю. Кое-кто изучал нашу реакцию... Не так ли, Антон Сергеевич?

Вопрос был задан непосредственно нашему главному контрразведчику, на что тот только чуть усмехнулся в усы. Антон Сергеевич, он же Юстас. Вежлив, тактичен, холоден. Классный гипнотизёр. Знает так много, что все боялись его о чём-либо расспрашивать – потом неинтересно станет жить. Обратилась же к нему Отдушина неспроста. Не так давно один наш парапсихолог, пришедший в институт ненамного раньше меня, съехал с катушек. Факт, в общем-то, довольно обыденный, но впечатлял размах события. Молодой человек решил устроить конец света и использовать его в своих довольно-таки меркантильных целях. В ход пошло всё: от предсказаний Нострадамуса до использования новейших разработок нашего отдела средств технической поддержки. И вот, проявив недюжинную наглость вкупе с терпением и изобретательностью, завербовав себе несколько помощников (кстати, тёрся он и вокруг меня, но общего языка в ходе совместного похода в бар мы так и нашли, и даже чуть не подрались по какому-то важному на тот момент поводу), этот прыткий молодой человек поставил на уши всех и вся, и даже почти вышел сухим из воды с немалыми для себя дивидендами, но всё-таки погорел и до конца жизни был отправлен в спецпсихушку со спецпривилегиями. Изрядно поседевший после этого случая Антон Сергеевич в свою очередь замучил всех, но разработал совершенно уникальную, с его точки зрения, программу раскрытия заговоров, проверяя и совершенствуя её при каждом удобном случае. Вот и на этот раз, пользуясь расположением Кирилла, с кем они немало покуролесили в своё время и, судя по всему, не собирались на этом останавливаться, он подкорректировал мой доклад, введя в него несколько зашифрованных смысловых рядов, с целью изучения именно скрытой реакции слушателей. Я считал Юстаса немного чудачком и попытался было остаться единоличным автором опуса, но Кирилл твердо занял противоположную мою позицию.

Вообще-то номинальным директором у нас числился Тимур Альбертович (Бывалый), но его функции в учреждении сводились сугубо к административно-представительским, и, признаться, польза от его представительства за стенами учреждения была, и немалая. Бывалый, крупный мужчина в парике и со значительным лицом, на совещании, естественно, присутствовал, сидел во главе стола и внимательно следил за происходящим. Поинтриговать он любил, хотя, не будучи наделён от природы сверхъестественными способностями, всегда делал это с оглядкой.

До прямой пикировки язвительной Светланы Аркадьевны и закалённого Антона Сергеевича дело не дошло, и слово взял начальник отдела сбора и первичного анализа информации Марк Зиновьевич, он же Факир, прозванный так за его невероятные способности добывать какие угодно сведения откуда угодно, а потом также лихо от них избавляться на глазах ошарашенной публики, применяя самые современные средства анализа. Своей аскетической носатой внешностью он сильно смахивал на известный образ графа Калиостро в памятном отечественном фильме. Нечего и говорить, что в быту он промышлял практической чёрно-белой магией и телепатией. Меня он недолюбливал, может быть, ещё и от того, что я при встрече с ним всегда начинал непроизвольно улыбаться.

– Тимур Альбертович, – официально обратился Факир к директору, сразу вставая тем самым в оппозицию к Кириллу. – На мой взгляд, здесь нам предлагается очередная авантюра, могущая повлечь за собой весьма печальные последствия. Весьма. Достоверной информации – ноль целых, одна десятая, и, при всём уважении к докладчику, я сильно сомневаюсь в её качестве. И вообще, мы к стыду своему слишком мало знаем о той памятной истории в заповеднике «Лукоморье», стоившей жизни незабвенному Олегу Борисовичу. Фактический анализ данных не проводился – так, наспех что-то, – со стороны же почтенного Кирилла Александровича мы постоянно сталкиваемся с недомолвками и увёртками, вплоть до прямого сокрытия информации по данному вопросу. Ну да бог с ним. Важно то, что прошло не так уж

много времени, и нам снова начинают тыкать в лицо этим самым Лукоморьем, уже по поводу очередного конца света, ни больше – ни меньше. – Марк Зиновьевич горестно покачал своей курчавой головой. – И опять ничего толком нам не сообщается. Ладно хотя бы, что мы имеем в наличии русалку. Хорошо. Так давайте с ней работать. Но она, видите ли, должна каким-то образом забеременеть и родить человеческого детёныша. Каким же это образом? И кого мы собираемся произвести на свет божий – спасителя? Даже предполагать такое кощунственно. Тогда кого – уж не антихриста ли?

Марк Зиновьевич добился своего: присутствующие, в большинстве своём имеющие сложные отношения с религией, тем не менее зябко повели плечами. В том числе и я. Признаться, в его словах была изрядная доля истины, и в первую очередь в том, что Кирилл, стремясь как можно быстрее избавиться от тягостных воспоминаний, практически наложил табу на обсуждении этой темы в институте, даже со мной поднимал её только в случае крайней необходимости, и так вплоть до повторного появления Аделаиды Ивановны в его, а на это раз и в моей, жизни.

Я попытался было ответить Марку Зиновьевичу, но Кирилл меня остановил и взял слово сам.

– Уважаемые коллеги, – начал он смиренно, – каюсь, как на духу, что, подчиняясь эмоциям, я действительно несколько... э-э... неправомерно повёл себя по отношению ко всем вам по поводу событий, случившихся в своё время в Лукоморье. Мне очень хотелось верить, что с этим покончено раз и навсегда. Приношу свои извинения и прошу не держать обиду. Поверьте, сейчас никак не время для этого. Я со своей стороны обязуюсь впредь предоставлять полную картину произошедшего, в первую очередь свидетелем чему был сам, по первому требованию любого из присутствующих.

Он помолчал. Присутствующие заметно оживились: Кирилл, всегда державший в кармане ежовые рукавицы, не часто шёл на подобного рода извинения и уступки, из чего каждый сделал вывод, что и в самом деле происходит нечто из ряда вон выходящее. Переждав лёгкий шумок, Кирилл всё ещё с виноватыми нотками в голосе продолжил:

– Сейчас я бы хотел обрисовать перед вами реальный характер угрозы, без каких-либо недомолвок... м-м... по личным соображениям. – Он вновь сделал паузу, затем заговорил уже делово, без остановок:

– Сомневаться в достоверности данных, полученных Андреем при сканировании мозга объекта, никаких оснований нет. Полученная информация даёт однозначный ответ, что равновесие в противостоянии враждебных и дружественных нашему миру миров нарушено. Существенной проблемой, однако, является то, что эта информация заложена неким реально существующим и отнюдь не сказочным в нашем понимании персонажем – черномором, как раз и приложившего немало сил для нарушения этого равновесия. И он напуган. Настолько, что сам предлагает единственный выход из сложившейся ситуации: русалка должна зачать в нашем мире ребёнка, и затем вернуться вместе с ним в свой мир. Как именно это сделать, и каковы будут последствия, я не знаю – над этим предстоит серьёзно поработать нам всем. И ещё. В ходе сканирования Андрею не удалось получить информации из некоторых зон мозга русалки – назовём их «областями тьмы». В дальнейшем эти зоны могут стать детонаторами для любых событий, скорее всего, крайне неприятных для нас: они могут оказаться чем угодно – от передатчиков сигналов до порталов входа. Вот, собственно, и всё о главном. Прошу высказываться по существу.

После некоторой напряженной паузы поднялся начальник отдела средств технической поддержки, Гордей Анисимович, в просторечии Шпунтик. После истории с мнимым концом света он попал под сильное подозрение в причастности к его организации, но сумел доказать свою невиновность и даже, путь и с трудом, но сохранить лицо. Технарь он был от бога и чёрта одновременно, регулярно задействовал своё астральное тело для связи с космосом, неделями

мог не есть и не пить, ходить с пустыми глазами и иссохшим лицом по коридорам учреждения, пугая новичков при встрече, но крайне запутанный случай тем не менее разрулить – не мытьём, так катаньем. И команда у него была подобрана из таких же лунатиков. Последним их громким достижением было дело, связанное с телохранителем одной крупной государственной шишки, засветившимся в нескольких громких убийствах. На допросах телохранитель утверждал, что злодеяния ему велел совершить некий голос, регулярно посещавший его во сне; мол, убивал он в трансе, мало что помнит и умолял спасти от демонов. Проверка на детекторе лжи результата не дала. «Сыворотка правды» ничего нового к предыдущим показаниям подозреваемого также не добавила. Между тем необходима была полная ясность, кто же он: псих или орудие для заказных убийств. В конце концов со всевозможными оказиями телохранитель оказался у нас, и Бывалый всучил его попавшемуся под руку Шпунтику, обещав нешуточные премиальные, если тот докопается до правды.

И Шпунтик не подкачал. У него уже находился в разработке некий хитрый приборчик, позволявший определять воздействие на подкорку мозга посторонних факторов, в том числе и вражеских потусторонних голосов, и он не преминул его испытать. Была запланирована целая серия хитроумных опытов, однако уже после второго испытуемый, проснувшись, разрыдался и сказал, что ему приснилась покойная матушка и велела ему во всём признаться, что он, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, тут же и намерен сделать. И сдал всех лиходеев, своих и заграничных. Подробно расписал, как обманывал детектор лжи и почему против него была бессильна и «Сыворотка». По причине важности полученных показаний Шпунтику не удалось, как обычно, сохранить анонимность и отсидеться за спиной Бывалого, и он был вынужден поставить свою подпись под кучей бумаг о неразглашении, невыезде и пр., сделав себе при этом такую славу за пределами института, что сотрудники спецслужб, отбিরавшие у него эти бумажки и наслышанные о его чудо-методе, готовы были одевать себе на голову хоть противомоскитные сетки, хоть сварочные маски, лишь бы изобретатель случайно каким-то образом не подействовал на их нечистую совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.